

УДК 13+316.722

**«СОБЫТИЕ» КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ ПОСТИЖЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ АКЦЕНТЫ**

Пилюгина Е.В.

В статье исследуются семантические акценты, концептуальные нюансы, специфика использования понятия «событие» как языкового инструмента описания современной социальной реальности (общества постмодерна) в различных языках и культурах (английской, французской, немецкой, русской).

Ключевые слова: событие, событийность, постмодерн, постмодернизм.

**"EVENT" AS THE KEY CONCEPT OF THE COMPREHENSION
OF CONTEMPORARY SOCIAL REALITY:
SEMANTIC AND MENTAL ACCENTS**

Pilyugina E.V.

This article examines the semantic accents, conceptual nuances, the specificity of the use of the term “event” as a linguistic tool for describing the contemporary social reality (postmodern society) in different languages and cultures (English, French, German, Russian).

Keywords: event, eventfulness, postmodern, postmodernism.

Едва ли найдется сегодня в гуманитарном знании термин, полнее описывающий и воплощающий специфику современной социальной действительности, чем «событие». В средствах массовой информации, в повседневной жизни мы непрерывно упоминаем, фиксируем уже не столько «факты», «явления», сколько «события»; социально-гуманитарные науки также констатируют событийность как ключевую характеристику сегодняшнего социума.

Что вкладывает современный человек – обыватель или ученый в это понятие? Почему и при каких условиях рядовой термин обыденного языка и

жизни вдруг становится ни больше, ни меньше как философской категорией? Каким образом связаны концептуальное расширение понятия «событие» и феномен сверхсобытийности современной социальной жизни?

Эти вопросы, подобно реверсам, направляют мысль вспять, к ментальным «корням», позволяя распознать глубинный семантический контекст привычных слов; рассмотреть распространенные, обыденные социальные явления в ракурсе выявленных семантических пластов, обозначив, тем самым, важные черты современности.

В конце прошлого столетия новейшая философия (постмодернизм, постструктурализм, постпозитивизм) квалифицировала современный мир как амбивалентно языковую и социальную реальность. Событийность, как и другие признаки социальной реальности, тем ярче проявляется и легче фиксируется, чем более подходящие языковые «инструменты» для этого есть в той или иной культуре. Рассмотрим три наиболее ярких «ментальных течения» (по крайней мере, на это указывают количественные характеристики, в том числе, частота употребления терминов «событие», «событийность» в масс-медиа, Интернет, научных работах) в распознавании и исследовании признаков современной социальной жизни, связанных с происхождением, употреблением, толкованием термина «событие», которые можно условно обозначить, как «англо-романское», «немецкое» и «русское».

Английское «event» («событие») и аналогичные термины в некоторых других языках (французское «événement», испанское «el evento», итальянское «evento», португальское «o evento», румынское «eveniment», турецкое «eventler») производны от латинского «ēventus», что означает, с одной стороны, «исход, конец, результат; успех, удача; развязка», с другой – определяется как «приключение, случай», и в то же время, может переводиться как «участь, удел, судьба». Уже это латинское «ēventus», на самом деле нечасто употребляемое в древнеримской культуре (куда более распространенное «factum» – «факт»). Оно содержит «коварную двусмысленность». С одной стороны, то, что определяется как «событие», непредсказуемо – игра случая. А с другой – событие может

быть судьбоносным. Это и исход, начало, и результат, конец, одновременно, но такой «конец», который может стать точкой отсчета для нового начала, тем самым «поворотом», который в последствие распознает в событии М. Хайдеггер.

Фактически, латинское «*eventus*» раскрывает мир как заданную извне, но заданную, во многом, иррационально, реальность; «игры богов», которые не определяются (управляются) игроками, но управляют (определяют) их; прихоть судьбы, «непредсказуемая предсказуемость», то, что, возможно, не вызвано никакой детерминацией, но может создавать (проецировать) детерминацию. В определенной степени, именно это «*eventus*» и становится одной из «реперных точек» всей романской культуры, а, значит, и, в большой степени, европейской цивилизации, становясь и знаком, и исходной точкой любых ее проявлений, изменений. Но осознание этого – история более поздняя, во многом связанная с увеличением социальной плотности – насыщенности тем самым «*eventus*», которая отличает, например, современность.

Английское *event* (событие) вбирает в себя из латинского прототипа элемент случайности, непредсказуемости, но при этом акцентирует активный, деятельностный – конструирующий, создающий и воссоздающий – принцип события. Популярный английский толковый словарь Лонгмана (*Longman English Dictionary*), раскрывая смысл события, указывает на такие его признаки, как «важность, интересность, необычность», «совместность, соучастие», «часть чего-то большего, например, состязания» [13]. В событии как *event* суть не в результате, а в процессе (отличие от «факта»). Процессуальный характер синонимизирует событие-*event* с явлением, недаром один из переводов «*event*» – «мероприятие»; и с «*occurrence*» – «происшествием». Процессуальность *event* выражается в том, что одно событие неизбежно влечет за собой другое, становится поводом для другого события; события связаны друг с другом, но эта связь не жесткая, а вероятностная: «волна» событий. То есть, событие как *event* амбивалентно – с одной стороны,

это случай, с другой стороны, это *предполагаемый* случай, как бы не совсем неожиданный, случай, который можно (и нужно) прогнозировать.

Именно поэтому событие-event может быть рассмотрено не только в социальном контексте, но и в контексте универсума в целом. Более того, именно универсальный характер event, применимого как к человеческому (социальному) бытию, так и бытию Вселенной, изначально, позволяет представить человеческое бытие как одно из Событий бытия Универсума. Аналогом теории события, понятого как event, в естествознании могут считаться корпускулярно-волновая теория света, концепция сингулярности в теории Большого Взрыва, теория существования и развития нелинейных открытых неравновесных систем. Фактически, категория события-event олицетворяет сегодня «смычку» между естественным и социально-гуманитарным знанием, «мозолистое тело» «мозга» науки как несущий конструкт, соединяющий оба «полушария» рационального знания.

Современная наука вообще тяготеет к преодолению границы, разделения между двумя своими сферами, в том числе, путем создания универсальных понятий. Синергия, флуктуация, ризома, нарратив – трансгрессивные понятия, «путешествующие» из одной науки в другую; событие-event – из этой же области. Более того, в облике «event» событие легко описывается терминами естествознания: события имеют «пространственно-временную характеристику» (Ж.Л.Нанси [8, с. 94]); отличаются «колебательным характером», порождая хаотичные волны других событий – флуктуации (ризомы у Ж. Делеза [6]).

Бытие предстает как качественный переход от одних событий к другим, и это не обязательно прогрессивный процесс, но непременно процесс преодоления, разрушения прошлого в призме конструируемого будущего, все большей насыщенности (другими событиями), усложнения (самих событий) – деконструкция Ж. Деррида [7]. Сами события выглядят как «точки сингулярности», «фракталы» (Ж.Бодрийяр [1]), переход и механизм перехода одновременно. Показателем трансгрессивного и, одновременно, универсального характера для современной науки, и даже шире, менталитета

современного человека (воспитанного, прежде всего, в контексте западной цивилизации) понятия «event» (событие) является возникновение эвентологии (комплексного учения о событиях на стыке философии, математики, физики, психологии, социологии) призванной систематизировать и анализировать событийное в разуме и материи и исходящей из презумпции «материя и разум – это просто удобный способ связывания событий воедино» (Б. Рассел) [3, с. 78].

Французский аналог исследуемого понятия («événement») наряду с указанными случайностным, процессуальным факторами, синонимией с «мероприятиями», «происшествиями» и «явлениями», акцентирует в контексте события соревновательное измерение. Действительно, событийность – это насыщенность событиями и, одновременно, значимость событий. Собственно, события есть значения и значимость «голых» фактов, или, точнее, «голые» факты переходят в ранг событий по мере возрастания их значимости – насыщенности значениями. Можно сказать, события соревнуются друг с другом в значимости (или люди соревнуются друг с другом в своих желаниях и возможностях придать «фактам» значимость, представить их как «события»). Преуспевшие в этом оказываются в «ментальной элите» общества (политика, культура, любая *значимая* общественная деятельность – деятельность по выявлению значений и значимости фактов, явлений как событий).

Французское понятие «événement» раскрывается и как «праздник», как happening. Интересно, что в английских текстах «event» и «happening» («случающееся, происходящее») заменяют друг друга редко, что позволяет констатировать более официальный, даже официозный изначально характер «event». Поэтому в англоязычной культуре «event» трактуется первоначально как область политики и масс-медиа, власти, «внешнее», «принятое в обществе»; массовидность квалифицируется как признак события (Ж.Л. Нанси указывает, что сущность события – «зрелище» [8, с. 97]). Французское же «événement» срывает покровы с этой «официозности», обнаруживая карнавальность, театральность, игру в якобы серьезных (принятых как «серьезные») сферах социальной жизни. Маленькое дополнение, крохотный акцент – и вот уже

«событие есть Игра» (ментальные, культурные основания того, что какой-либо факт будет квалифицироваться как событие); и «игра есть Событие» (вспомним массу примеров от гладиаторских боев до современных олимпийских игр, представляемых событиями не меньше, чем, скажем, война в Ираке или запуск нового спутника). Отсюда и современная социальная ситуация в политике, когда «выборы превращаются в шоу», а различия между актерами и политиками стираются: политики выглядят как актеры, а актеры естественным образом (нонсенс еще сто лет назад) идут «в политики».

Благодаря выявленному признаку французское «*événement*» меньше акцентирует в событии на связи человека (социума) с универсумом, приобретая более культурологический характер. Событие—*événement* осознается как «постановочное» явление, и, в то же время, более непредсказуемое, разрушающее границы, причем, во многом, осознанно: карнавал и маскарад как суть насыщенной социальной жизни; «событие» уже не столько «действие», сколько «действие». Также, французское толкование связывает событие с историей: событие может быть рассмотрено лишь в контексте его истории; собственно, событие и есть история (события) [14]. Именно в таком амплуа «событие» становится ключевой «фигурой» в исследованиях социальной среды постмодернизмом. Отсюда, неудивительно, что большинство философов-постмодернистов, в той или иной степени затрагивавших тему событийности современного общества, по происхождению и менталитету принадлежат к французской культуре: Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Ж. Батай.

Тем не менее, и в английском, и во французском обо-*значении* события «схвачено» общее, то самое, что произвело на свет современный термин «событийность»: не детерминированность, но вероятностность событий, их «двуликую» языково-социальную форму и объектно-субъектную суть. Событие, само по себе исключительно субъективно воспринимаемое, всячески «наряжается» в «одежды» некой объективной реальности, в результате чего осуществляется трансгрессия – преодоление (прорыв) границы между реальным и нереальным, объектом и субъектом, а значит, и всех других границ

(между словом и мышлением, ментальным и социальным, личным и общественным, интимным и публичным, обыденным и элитарным, искусством и производством, и т.д.).

Именно англо-романское понимание события становится решающим в распространении этого понятия в широком спектре знания, как гуманитарного, так и естественнонаучного, обыденного и философского мировоззрения современного человека. Все ведущие направления новейшей философии – квинтэссенции мировоззрения современности – от позитивизма и экзистенциализма до постструктурализма и постмодернизма в той или иной степени использовали, упоминали, поясняли данный термин. Понятие «событие» сегодня стало таким же естественным термином человеческого бытия (и одновременно, крайне емкой философской категорией), как «жизнь», «смерть», «человек», «общество», «материя», «разум». И, как другие подобные категории, «событие» все больше обнаруживают присущую ему многоплановость, многослойность, полизначность.

Тем не менее, концептуальность термина «событие» определяет представитель не английской линии или французской философской волны: М. Хайдеггер, один из наиболее ярких представителей немецкой экзистенциальной философии прошлого столетия, впервые рассматривает событие не как понятие обыденной жизни или термин СМИ, а философскую категорию [12]. Именно на Хайдеггера ссылаются любые современные исследователи событийности бытия (нарратологи, эвентологи, дискуртологи). Но в осмысленном Хайдеггером через призму идей экзистенциализма немецком понятии «*ereignis*» («событие») легко обнаружить несколько иные акценты, чем в латинском «*ēventus*» и его производных. Достаточно обратить внимание на то, что данный термин не имеет источником латинский паттерн. Для прояснения смысла «*ereignis*»-«событие» (одного из важнейших понятий в хайдеггеровском осмыслении бытия) немецкий философ «использует искусственную синкрету: хотя этимологически термин «*ereignis*», происходит от «*er-augen*», где смыслом корня является *auge* – «глаз», шире, в старо-немецком «зрение», «замечание»,

Хайдеггер трактует этот термин как созвучное *eigene*, то есть «собственное», «подлинное», «аутентичное»– «*er-eigene*» [5, с. 15] Следует отметить, также, что понятие «*eignis*» может быть переведено на русский язык как «перелом». Соответственно, «*ereignis*» («*er-eignis*») может быть осмысленно как «о-своение» бытия (Другого или Других, или, даже просто бытия как такового); «поворот» (переход, перелом) к осознанию бытия как собственного. Отсюда, в немецкой ипостаси событие-*ereignis* всегда уникально; это есть осознание собственного бытия через бытие с Другими и бытия Других как собственного.

Эта уникальность, неповторимость бытия в ходе его о-своения и превращает бытие в событие. И это есть о-сущ-ествление бытия – поворот, прорыв от бытия к сущему. То есть, осуществление бытия есть Событие. Использование здесь заглавной буквы неслучайно. Истинное «*Ereignis*» – всегда Событие (в отличие от *event*, где вполне допустим перевод как события «с маленькой буквы»).

Немецкий вариант понимания события (а после Хайдеггера вряд ли имеет смысл упоминание о других возможных трактовках «*Ereignis*») сам по себе стал «поворотом», «прорывом» – как в осмыслении термина, так и в осмыслении тех проявлений, прежде всего, социальной жизни, которые могут быть обозначены как событийные. В событии-*Ereignis* акцент на социальном бытии; характерная для современного общества пансоциализация бытия человека, на которую указывал в последствии, например, Ж.Бодрийяр, начинается именно с Хайдеггера. Его онтико-онтологическая философия с равным правом может быть обозначена как социо-онтологическая, так как все бытие, любое бытие рассматривается немецким философом через призму и в ракурсе возможного или уже осуществленного освоения человеком, через его язык, зрение, личность, через его переживание, «заботу» о своем бытии.

Событие как *Ereignis*, возможно, более глубокое и даже драматичное, здесь нет практически ничего от театральности и игрового характера французского аналога и непредсказуемости, случайности, определенной отчужденности (когда «игра играет игроками») английского термина. *Ereignis* –

бытие всегда уникальное, неповторимое; личностное, даже интимное; «Я» – бытие», или, может быть, «Я» в бытии.

На первый взгляд, русское понятие «событие» противоположно по смыслу немецкому «собратье», ведь, по-русски, буквально, событие есть «со-бытие» – «совместное бытие», «бытие с Другими». И тем не менее, не все так просто, хотя бы потому что три популярных толковых словаря русского языка – В.И. Даля, Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова (современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой (2000 г.) добавляет только новые слова, в толковании слов опираясь на предыдущие словари Ушакова и, особенно, Ожегова) дают разные трактовки понятия «событие». Причем, более поздние понимания «события», представленные в словаре Ушакова 1935-1940 гг. и Ожегова 1949 г., как ни странно, оказываются и более упрощенными, формальными, а соответственно, значительно дальше от той философской многогранности концепта «событие», которое в новейшее время обнаруживает западный мир в «event» или «ereignis».

Так, в определении Ушакова событие это – «то, что случилось, происшествие, случай; важное явление, крупный факт, происшедший в общественной и личной жизни» [10]. В толковом словаре Ожегова событие определяется как «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [9]. Очевидно, что определения похожи между собой «как близнецы-братья»; и также в таком понимании русский термин «событие» оказывается созвучен английскому «event». Действительно, то же указание на «случай, происшествие», «явление». И, тем не менее, возникает устойчивое ощущение, что что-то при этом упущено. Концептуальная емкость, присущая «event», размывается, теряется в указанных русских определениях «события». В результате сам термин выглядит как простой и очевидный перевод с английского. Перевод буквальный, а, значит, уже неточный, потому как при буквальных переводах с иностранного языка (и это блестяще показали в свое время, скажем, философы-постмодернисты, неопозитивисты, постструктуралисты) теряется культурный, исторический контекст, тот

ментальный ракурс, который и делает возможным глубокое (философское) обсуждение чего-либо. В данном случае, термина «событие» и явление события в общественной жизни. Именно поэтому трактовка «Ereignis» М. Хайдеггера так востребована и обсуждаема, что ее автор позволил себе выйти из общепринятого, подняться до высот (или спуститься до глубин) философского взгляда на вещи; это путь к тексту от контекста. И этого явно недостаточно в определении «события», данного в большинстве словарей русского языка, как советского, так и постсоветского периода. А ведь русское понятие «событие» значительно более емкое, обнаруживает и свои особые приметы, акценты, что очевидно в толковании этого термина, данным Далем в 1863 г. По Далю, событие есть *«событность кого с кем, чего с чем, пребывание вместе и в одно время; событность происшествий, совместность, по времени, современность... происшествие, что сбылось»* (курсив – П.Е.) [4, с. 253].

Если рассматривать событие в таком контексте, то очевиден консонанс с той концепцией события-Ereignis, которую актуализировал Хайдеггер. Действительно, событность, совместность бытия уже предполагает восприятие чужого бытия как собственного – *о-своение* (отсюда, созвучное понятие *«самобытность»*). В трактовке события Даля прямо указывается и на связь бытия и времени в событии, на чем также настаивал Хайдеггер; вскрывается, на первый взгляд, очевидное (что понятия «событие», «бытие», «быть» – однокоренные), но куда-то исчезающее, растворяющееся, – возможно, под влиянием традиционного российского увлечения западноевропейской культурой, какого-то недоверия к значимости собственных трактовок действительности, или тенденцией к упрощению, характерной для современности. Отсюда стремление свести «события» к «фактам». Но сегодня поставить между этими понятиями «равно» – значит игнорировать те тенденции существования и развития современного общества (общества постмодерна), которые как раз исходят из презумпции неравенства «событий» и «фактов». И, более того, «события» и «факты» (по крайней мере,

постмодернистской философией) вообще могут рассматриваться как параллельные категории.

Факт всегда реален, событие может быть исключительно ирреально, виртуально: симуляция события как признак современной социальной жизни, о чем неустанно говорит Ж. Бодрийяр. Факт конечен, уже свершенное; бессмысленно говорить о «фактах, которые только будут». В словаре Ушакова подчеркивается «действительность факта», «реальность факта»: «факт не есть выдумка» [11]. Событие существует в процессе, собственно, это и есть процесс, прежде всего, процесс перехода ирреального в реальное и обратно. Следует отметить, что в словаре Даля 1863 г. вообще отсутствует понятие «факт»; приход его в русский язык связан с вестернизацией, совпадающей с развитием физики и математики, распространением естественнонаучной картины мира с ее апологетикой «реального» – «фактов», логическим, детерминированным, упорядоченным подходом к действительности. В отказе от толкования понятия «событие», данного Далем (на самом деле, *буквально русского*) и замене ее упрощенной псевдоточной трактовкой, восходящей к буквальному переводу английского понятия, мы имеем то, от чего предостерегает, например, А.Г. Дугин: неумение «вслушиваться» в собственный язык, игнорирование того трепетного и глубоко философского отношения к языку, к слову, которое он отмечал у Хайдеггера, призывая «мыслить не концептами, не категориями, но *словами*; не идеями, не принципами, не началами, но *корнями слов*» [5, с. 95].

Исходя из сказанного, очевидно, что введенный Далем в «событие» контекст куда более глубокий, философичный, чем более поздние трактовки термина; обнаруживает свои оригинальные и значимые семантические нюансы. Так, несмотря на отмеченную уже семантическую коннотацию русского понятия «событие» и немецкого «ereignis», можно различить и некоторый их диссонанс: «событие» есть всегда «со-бытие», чего нельзя сказать об «ereignis», которое, скорее, о-своение, или даже, при-своение бытия как такового. Сводимость Хайдеггером бытия к событию в процессе осуществления вовсе не

означает раскрытия бытия как общественного (производимого обществом, данного обществу) явления. Это, скорее, раскрытие бытия через личностное, пусть при этом личность и является социальной характеристикой. Или, точнее, как сложный двуединый процесс формирования сознания через самосознание, и самосознания через сознание. Поэтому в хайдеггеровском понимании события бытие «дано» (при-дано) – обществом личности; и в таком контексте «при-данного бытия» событие позволяет личности осуществиться (реализоваться, самоактуализироваться). В этом плане Хайдеггер продолжает всю линию немецкой классической философии от Канта, Фихте, до Гегеля с ее обоснованием Я-концепции как фундаментальной концепции бытия. Собственно, если «Я» движется от ощущения себя к ощущению, а затем пониманию мира («не-Я»), и снова к себе; от о-сознания себя к о-сознанию мира, и затем к само-сознанию, то в этом плане хайдеггеровская философия выглядит как концептуальное завершение поисков «Я» самого себя, как определенная «пиковая точка» в процессе колебания маятника от Я-бытия к бытию «Я».

Русское же понятие «событие» с его ярко выраженным тяготением к превращению в «со-бытие» – это, прежде всего, «бытие с Другими». Здесь нет личностного акцента немецкого термина, но это и не означает поглощение коллективом, или, тем паче, омассовление индивида в обществе. Приставка «со» указывает на со-единение, но ведь соединять можно только изначально раздельное; на изначально не целостность (не цельность) и затем процесс преодоления этого. В этом плане, понятие «событие» созвучно иным русским философским терминам (отражающим именно русскую ментальность), таким, как «соборность» у славянофилов, «всеединство» у В. Соловьева и его последователей. В контексте русской ментальности термин «событие» воплощает, в некотором роде, мистическое (или, по крайней мере, не всегда и не только рациональное) совместное бытие, единство внутреннее, духовное. Это не «бытие Я», явственно слышимое в немецкой философской волне, но «бытие Мы», имея ввиду под «Мы» – Я, непрерывно и тесно связанное с

другими Я, и в процессе этой связи осуществляющееся как значимая часть целого, позволяя, в свою очередь, реализоваться целому.

Также в русском термине «событие» следует отметить определенное «тяготение» к реализации. Так, В.В. Виноградов в «Истории слов» сопоставляет «событие» и «сбытие», подробно рассматривая употребление термина и указывая на его семантический консонанс с глаголами «сбыться, событься, сбывать и сбываться» [2, с. 645]. Таким образом, в русской ипостаси в событии переносится акцент с процесса на результат (отсюда, вероятно, и более поздняя синонимия «события» с «фактом»). Действительно, о со-бытии есть смысл говорить, когда, оно реализовано (хотя, реализовано, возможно, лишь как внутреннее осознание или даже лишь ощущение единства).

Представляется, что такая безусловно оригинальная философская «нагрузка» понятия «событие», восходящая к корням русского языка, оказывается вполне созвучна современности, эпохе постмодерна, обозначая событие как явление не только уникальное, не только переломное («поворотное»), но и то, что является нам в призме социального, культурного, ментального, исторического контекстов. Именно в таком плане событие (как со-бытие) созвучно, также, восточным философским категориям – «дао», «сансара», на что указывал, пытаясь прояснить смысл «ereignis», и Хайдеггер. Само по себе уникальное, событие как со-бытие приобретает поистине космический, вселенский размах, и как тут не вспомнить также идеи «русских космистов», Н. Федорова с его «философией общего дела»!

Вероятно, рассмотренные выше зоны распространения и концептуальной реформации термина «события» выглядят всего лишь как «области концентрации и конденсации» событийности – важного признака современной социальной жизни. Но в глобализирующемся социуме локальные явления и признаки рано или поздно охватывают если не все, то большую часть пространства. Одновременно идет процесс конвергенции в разных направлениях социальной жизни и в культуре, в том числе, в языке: фактически, формируется универсальный категориальный аппарат, не

нуждающийся в переводах, новые универсальные понятия как языковые инструменты описания изменившейся реальности. Задача распознать «очаги» формирования этого аппарата и таких инструментов представляется важной и продуктивной: становятся очевидны линии развития тех или иных социальных явлений. Термин «событие» является одним из ключевых таких инструментов для конструирования адекватного представления о современности, поэтому нуждается в дешифровке всех его исторических пластов, ментальных знаков, контекстуальных производных, семантических нюансов в различных языках и культурах.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / *Mots de passe. D'un fragment l'autre*. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 196 с.
2. Виноградов В.В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.
3. Воробьев О.Ю. Эвентология как наука о событиях и со-бытии. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2007. 434 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Раритет, 1999. Т. 4: Р – V. 685 с.
5. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Фонд «Мир»: Академический Проект, 2010. 388 с.
6. Делез Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; [пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского]. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000. 430 с.
8. Нанси Ж.Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 91-100.
9. Событие [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова онлайн [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/3pIf8E0> (дата обращения: 05.12.21).

10. Событие [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова онлайн [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/3Iy0AQ5> (дата обращения: 05.12.21).

11. Факт [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова онлайн [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/3rQt01M> (дата обращения: 05.12.21).

12. Хайдеггер М. Гейдерлин и сущность поэзии // Логос. Философско-литературный журнал. 1991. Вып. 1. С. 37-47.

13. Définition évènement [Электронный ресурс] // Dictionnaire.net [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/31LYL16> (дата обращения: 05.12.21).

14. Event [Электронный ресурс] // Longman English Dictionary [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/33evPzu> (дата обращения: 05.12.21).

Сведения об авторе:

Пилюгина Елена Владимировна – кандидат философских наук, директор представительства Российского нового университета (Москва); доцент кафедры общеобразовательных и гуманитарных дисциплин Железногорского филиала Московского психолого-социального института; докторант Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Pilyugina Elena Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Director of Representation, the Russian New University (Moscow); Associate Professor of General Education and Humanitarian Disciplines Department, Zheleznogorsk Branch of the Moscow Psychological-Social Institute; doctorate of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: elenavpilugina@yandex.ru.